

Та госпожа Цзэн хоть и не была любительницей скандалов, но имела язвительную, завистливую внешность, да к тому же постоянно ходила с холодным выражением лица, что делало её крайне неприятной. Сяо Чжоухэн сказал:

— Ты не получала милостей от госпожи Ю, вторая госпожа никогда к тебе строго не относилась, так что повторять чужие слова нехорошо. Да и откуда ты знаешь, что этот объявившийся молодой господин — настоящий?

Тон Сяо Чжоухэна был довольно суровым. С одной стороны, он считал служанку Бехун глуповатой — что скажут, то она и повторяет; с другой — был зол на Ли Чжуннаня за его недавнюю бестактность.

— Если шестой молодой господин или генерал Ли вернутся и увидят такого самозванца, какая польза от его красивой внешности? Наверняка живьём его сожрут. Мало того, если он и вправду тот Призрачный Чужак, о котором ты говоришь, что тогда?

Хотя в резиденции Ли не притесняли прислугу, порядки там были очень строгие. Малейшая оплошность этих служанок каралась наказанием. От лишения одного приёма пищи до нескольких ударов плетью.

Не то чтобы Бехун приструнил Сяо Чжоухэн, не то чтобы её напугали домашние правила семьи Ли, а может, она испугалась самого Призрачного Чужака — так или иначе, она замерла, а затем тихо проговорила:

— Эта глупая служанка сказала лишнее, прошу господина простить.

Видя обиженное лицо Бехун, Сяо Чжоухэн лишь вздохнул:

— Я не ругаю тебя. Если при мне говоришь — ничего страшного, но если кто другой услышит и донесёт второй госпоже, тебе несдобровать.

Бехун, будучи молоденькой девушкой, восприняла это как заботу со стороны Сяо Чжоухэна, и уж тем более не стала думать о чём-то ещё. Услышав его слова, она глупо улыбнулась, высунула язык и удалилась.

После этого разговора Сяо Чжоухэн почему-то почувствовал тяжесть на сердце. Он ещё некоторое время полежал на боку, читая книгу, но слова словно кололи глаза, и он не мог сосредоточиться. Хотя уже наступил полдень, аппетита у него не было, а Бехун так и не принесла обед. Тогда он встал, взял новую бумагу и кисти с бамбуковой полки во внутренней комнате, разложил их на столе и позвал:

— Бехун, приготовь чернила.

Несколько раз позвав и не получив ответа, он заметил, что дождь уже давно кончился, а солнце понемногу разгоняет тучи. Сяо Чжоухэн уже собрался пойти искать её, как дверь сама приоткрылась.

Вошедшим оказался недавно ушедший Лоу Бэйинь. Тот человек только что позволил себе безобидную шутку, но она привела Сяо Чжоухэна в ужас: он пальцем указал на большую надпись на стене позади кабинета — «Господин Цзюэянь, я погорячился, я говорил о тех иероглифах».

И вот сейчас Лоу Бэйинь заглянул в дверь и с улыбкой произнёс:

— Не помешал ли я господину Цзюэяню?

— Как можно! Вы с господином Люем занимаете важные посты, о каком беспокойстве может идти речь? — Сяо Чжоухэн поспешно поднялся, незаметно придерживая рукопись в руке, но Лоу Бэйинь всё равно заметил её острым взглядом, подошёл на несколько шагов вперёд и спросил:

— Что вы пишете?

Глядя, как самый молодой в нашем поколении чжуанъюань Лоу Бэйинь приближается, Сяо Чжоухэн не стал уклоняться, а прямо встретился с ним взглядом и с лёгкой улыбкой произнёс:

— Дикая гуси вдалеке летят, в душе печаль безбрежна.

То ли улыбка Сяо Чжоухэна была слишком внезапной, то ли эта строка навеяла гостю какие-то мысли, но Лоу Бэйинь действительно остановился и спросил:

— Господин Цзюэянь проверяет мои познания?

Сяо Чжоухэн покачал головой:

— Как я смею? Я просто недавно подумал об этой строке и всё чувствую, что «печаль безбрежна» не совсем уместно.

— В таком случае, слово «печаль» действительно кажется не совсем подходящим, его стоит обдумать. Осмелюсь заменить его на «плач», как вы думаете? — Не дожидаясь ответа Сяо Чжоухэна, Лоу Бэйинь продолжил:

— Только что мы с вами говорили о деле Призрачного Чужака, не хотите ли послушать дальше?

Сяо Чжоухэн ответил:

— Конечно хочу. Вы сказали, что дело в резиденции Ян в Чжэньцзяне ещё ужаснее?

— Именно так. — Лоу Бэйинь заложил руки за спину, опустил голову и принялся рассказывать по комнате. — Когда я только поступил в Министерство наказаний, какое-то время помогал министру наказаний Юй Шэнханю, поэтому знаю, что те дела, о которых ходят слухи уже десятки лет, действительно происходили, причём были ещё страшнее, чем в народных рассказах.

— И как же? — машинально спросил Сяо Чжоухэн.

Лоу Бэйинь остановился, повернул голову и пристально на него посмотрел. Выражение его лица было ужасным — брови нахмурены, в глазах таилась непонятная скорбь, руки под рукавами сжаты в кулаки и слегка побелели, всё тело непрерывно дрожало. На мгновение атмосфера стала зловещей. Сяо Чжоухэн в ужасе замер, не зная, то ли двигаться, то ли нет.

Они простояли в таком странном состоянии примерно время, за которое выпивается чашка чая. Наконец Лоу Бэйинь заговорил, его голос был хриплым и сухим:

— Началось с семьи Ань в Чанчжоу — всем отрезали языки; семья Бянь в Сунцзяне — все лишились десяти пальцев; семья У в Чанчжоу — более десяти человек прибили к деревьям, утыканным лезвиями; весь род Лю в Цзясине связали и сожгли заживо под палящим солнцем...

Господин Цзюэянь, о чём вы подумали?

Услышав такое в день праздника духов, Сяо Чжоухэн облился холодным потом, тут же захотел громко прочесть «Алмазную сутру» и сходить в храм за оберегом. Услышав внезапный вопрос Лоу Бэйиня, он мог лишь ответить:

— Разве это не способы наказания в преисподней?

— Верно. Видимо, эти Призрачные Чужаки возомнили себя судьями, вершащими Небесное правосудие. — Лоу Бэйинь сделал паузу, его глаза скользнули по покрытому потом лицу Сяо Чжоухэна. Не дожидаясь ответа, он приблизился на несколько шагов и продолжил:

— Господин Ань Тунцзэ из семьи Ань в Чанчжоу разбогател на торговле шёлком и стал одним из самых богатых в округе. В третьем году эры Жуйхэ в семье Ань произошла трагедия, а позже расследование властей показало, что господин Ань продавал плохой товар под видом хорошего, обманывая людей. Далее, господин Бянь Чжэн из семьи Бянь в Сунцзяне: в конце третьего года эры Жуйхэ в семье Бянь произошла трагедия, а позже выяснилось, что много лет назад господин Бянь обманом заманивал простых девушек в свою резиденцию, чтобы выдать их за своего второго сына-калеку...

— Господин Цзюэянь, как вы думаете, почему эти люди заслужили такую жестокую расправу?

— Лоу Бэйинь говорил всё более возбуждённо, слёзы брызнули из его глаз, руки яростно тряслись. Он хлопнул по столику, затем прижал руку к груди и хрипло произнёс:

— Грех, грех! Власти бессильны, наша династия бессильна. Столько лет прошло, а неупокоенные духи всё ещё здесь. Как мы, чиновники, можем жить с таким стыдом?

Сяо Чжоухэн, с одной стороны, боялся этих кровавых дел, с другой — считал, что оправдание убийц «вершением Небесного правосудия» весьма натянуто. Погибшие не были великими злодеями, и ничто не могло оправдать жестокую расправу над всей семьёй. Более того, он удивился высокому накалу эмоций Лоу Бэйиня, внезапно почувствовав, что этот выдающийся талант слишком уж непрактичен. Когда происходили те дела десятки лет назад, Лоу Бэйинь был всего лишь ребёнком, что он мог сделать?

Размышляя об этом, Сяо Чжоухэн смутно почувствовал, что Лоу Бэйинь намекает на него, целыми днями бездельничающего, и на душе у него стало горько:

— Мысли господина Лоу действительно уникальны. Но зачем вы рассказываете это мне?

Лоу Бэйинь, увидев недоумение Сяо Чжоухэна, вытер слёзы рукавом, приподнял уголки губ и сказал:

— Извините, господин Цзюэянь, вам, наверное, кажется, что я слишком прямолинеен? Говорю, не боясь насмешек: рядом просто нет ровесников, одни старые чурбаны, иногда даже не с кем поговорить, очень тоскливо. Несколько лет назад мне посчастливилось прочесть вашу «Оду о двойном расставании». Её можно приравнять к трём сотням свитков отборного шёлка, я искренне восхищаюсь и стыжусь своего невежества.

— Господин Лоу, вы слишком щедры на похвалы, это лишь унижает меня. — Сяо Чжоухэн внутренне вздрогнул. «Ода о двойном расставании» была написана им перед отъездом в столицу, в день расставания с другом, также одним из «Трёх героев Цзиньлина» — Инь Цзючу. Она была полна глубоких чувств, каждое слово — как жемчужина, и хотя это произведение не было самым популярным в народе, сам Сяо Чжоухэн считал его своим самым удачным.

— Я просто чувствую, что мы с вами близки по духу и давно хотел подружиться с господином Цзюэянем.

Эти слова Лоу Бэйиня были произнесены безупречно, выверены до мелочей и вызвали у Сяо Чжоухэна чувство близости.

Лоу Бэйинь хоть и не был единомышленником, но обладал даром красноречия.

— Это я слишком много надумываю, прошу прощения у господина Лоу.

— О чём вы говорите? Зовите меня Мэнсюэ. Вечно «господин» да «господин» — очень отдаляет. — Лоу Бэйинь склонил голову набок. — А как вас называть?

— Моё второе имя — Шутин.

— Берег прощения, где сходятся отмели.

— Просветление после тумана, следы лап на снегу.

Они, словно по миллионному пониманию, улыбнулись друг другу.

Авторское примечание: Сяо Чжоухэн, второе имя Шутин; Лоу Бэйинь, второе имя Мэнсюэ.

<http://bllate.org/book/16134/1444350>